

В.В. Ванчугов

Идеологический эпизод в истории русской философии

История взаимодействия интеллектуалов и власти является поучительной для обеих сторон, и помимо занимательности из нее можно извлечь, безусловно, полезное для нашего времени, при всем том, что и власть другая, и мыслители другие. С учетом интересов нашего времени хочу обратить внимание читателя на тот эпизод истории, начало которому дал вооруженный мятеж 1825 года. Власти восприняли его как закономерный итог прежних послаблений, результат либерального настроения умов, от которого Отечеству больше вреда, чем пользы. Так это или не так, хорошо это или плохо – вне компетенции автора, чья задача – рассмотреть мобилизационный механизм, то есть действия, направленные на «спасение Отечества» от внешних и внутренних угроз, изучить принятые меры, их последствия, выявить ожидания, упования и реальные результаты. И наиболее интересной в этом контексте видится политика правительства в области образования, взаимодействие академического сообщества, ученого мира, и власти. Именно здесь мы наблюдаем четко локализуемый по месту и времени «консервативный поворот», цель которого – указать на ценности, следование которым не только поможет предотвратить потрясения, подобные декабрю 1825 года, но и обрести на долгое время устойчивое развитие при неизменности существующего строя.

Суть этого «консервативного поворота» – освобождение от иностранного влияния, начиная с домашнего воспитания и заканчивая высшей школой, прежде всего светской. Будучи еще «товарищем министра», то есть заместителем К.А. Ливена, Сергей Семенович Уваров (именно так, не Сергей, а *Сергий*, на церковный манер) в марте 1832 года делает набросок письма императору с соображениями относительно принципов внутренней политики, в которой немаловажную роль играло и его ведомство: чтобы отечество усиливалось и благоденствовало, следует придерживаться трех «великих государственных начал» – «национальной религии», «самодержавия» и «народности». Эта триада, идеологическая троика повторяется и в отчете о ревизии Московского университета, представленном императору 4 декабря 1832 года, где Уваров сообщает о необходимости наличия у нас «правильного, основательного» образования, которое следует соединить «с глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности». Ну а 20 марта следующего года, когда Уваров вступил в полное управление министерством, в циркулярном предложении, предназначавшемся для попечи-

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea». E-mail: vanchugov@gmail.com

телей всех учебных округов, сообщалось, что «общая наша обязанность» состоит в том, «чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности» [15, с. XLIX; см. также: 11, стб. 838]. Уваров выразил уверенность, что каждый профессор и наставник, проникнувшись одним и тем же чувством «преданности трону и отечеству», использует все свои силы и дарования, чтобы сделаться «достойным орудием правительства и заслужить полную доверенность оною»; что всяк на своем месте доведет преподавание вверенной ему науки или ремесла до совершенства, «посвящая всего себя на образование юношества» [15, с. L]. Так новый министр сразу же четко определил, каковы критерии *истинного просвещения* для тех, кто работает, точнее, служит отечеству по его ведомству: образование юношества в духе «охранительных начал», изучение всего и вся таким образом, чтобы прошедшие высшую школу оставались приверженцами «православия, самодержавия и народности» всю свою сознательную жизнь.

Конечно же, Уваров начинал не на пустом месте: и прообразы его «формулы», и сам дух отношения к образованию можно найти еще в деятельности Шишкова, для которого русский народ «верен церкви, престолу и отечеству» [16, с. 176], и в «записке о народном воспитании», которую 7 ноября 1823 года отправил императору Магницкий [10, с. 363]. Но как бы там ни было, только лишь Уваров сформулировал витавшие прежде идеи, довел их до формулы и ловко ввел в оборот, предложив «антитезис» галльской триаде (*liberté, égalité, fraternité*), содержащей скрытый призыв к мятежу. Так же новая идеология проводила внутривластную демаркацию, переводя в разряд нежелательных фантазий внеконфессиональную *религиозность*, неразборчивое, отвлеченное *человеколюбие* и допускаемое мягкосердечием монарха опасное панибратство со стороны военных и ученых, *самовольно рассуждающих* о конституции и республике.

С приходом Уварова в России появился еще один печатный орган – «Журнал Министерства народного просвещения». Уже первые номера журнала содержали достойные примеры следования новым началам – на собрании Петербургского университета 31 августа 1833 года П.А. Плетнев выступил с речью «О народности в литературе», а его коллега Н.И. Бутырский вторил ему в обзоре деятельности учебного округа, в котором отметил, что из всех сфер образования и культуры к народности прямое отношение имеет прежде всего словесность и что если все прочее можно заимствовать от чужестранцев, то «русскую словесность должны мы создать сами, в противном случае останемся только подражателями».

Поскольку журнал выписывался во всех уездных училищах, гимназиях, лицеях и университетах, то распространение материала в духе уваровской триады среди учащихся и учащихся довольно скоро принесло нужные плоды: «начала» стали источником вдохновения для верноподданных империи. Если столичный профессор, а также и цензор Никитенко, вспоминая недобрым словом времена Голицына и его единомышленников, одержимых душеспасительными началами, отмечал, что тогда «нельзя было говорить об удобрении земли, не сославшись на тексты из Священного Писания» (запись в дневнике 4 апреля 1833 года), то теперь, при Уварове, на какую тему кто бы не завел речь, начинали выводить достоинства своей науки из следования одному или всем элементам охранительной триады. Так в нескольких номерах «Молвы», издававшейся при «Телескопе», появляются «Литературные мечтания. Элегия в прозе», дающие не только обзор исторического развития русской литературы, но выражающие восторг автора от благотворной опеки со стороны государства. Автор, указавший в конце статьи место и время написания (Чембар. 1834, декабря 12 дня), сообщал, что просвещение наше благодаря «неусыпным попечениям мудрого правитель-

ства» ускоряет свой ход, тем более что русский народ «смышлен и понятлив, усерден и горяч ко всему благому и прекрасному», особенно тогда, когда «рука царя-отца указывает ему на цель, когда его державный голос призывает его к ней». Больше всего радовало автора, что «неусыпное правительство» ежегодно совершает новые подвиги во благо просветления умов и новые благодеяния, новые щедроты в пользу ученого сословия: избавляет нас от вредных следствий иноземного воспитания, и скоро мы получим «свое русское, народное просвещение», всему миру докажем, что «не имеем нужды в чуждой умственной опеке» и нам легко это сделать, «когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются посреди любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению в духе *православия, самодержавия и народности*». Автором этой восторженной «элегии в прозе», «литературных мечтаний», был никто иной, как недавно оставивший университет Виссарион Белинский, а его наставник, Николай Иванович Надеждин, ординарный профессор по кафедре словесности Московского университета и редактор журнала «Телескоп», журнала «современного просвещения», свою статью «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» (1836, № 1) заключил соответствующим положением: поскольку в основание нашего просвещения «положены православие, самодержавие и народность», то относительно литературы их можно «сократить в одно», и если наша словесность *народна*, она будет и *православной, и самодержавной*.

В «Обзрении расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 году», данном III Отделением императору, в разделе «О расположении умов» отмечалось, что 6 декабря 1833 года в первый раз во дворце сама императрица появились в национальном платье и русском головном уборе. Выдерживая курс на патриотизм, в 1836 году, по инициативе Николая I, объявляется конкурс на лучший памятник Ивану Сусанину – спасителю рода Романовых. В этом же году М.И. Глинка сообщает в письме к С.П. Шевыреву, что собирается «подарить» русскому театру «вещь крупных размеров», которая, хотя и не будет совершенством, но самое главное ее достоинство – выбор сюжета: «Во всех отношениях это будет сюжет национальный. Не только сюжет, но и музыка» [5, с. 26]. Речь шла об опере «Иван Сусанин». После представления оперы в декабре 1836 года на сцене Мариинского театра в Петербурге заговорили о состоявшемся произведении национально-самобытного характера. И в других сферах искусства шли неустанные поиски национальных форм, чему особенно способствовали «охранительные начала» в виде «православия, самодержавия, народности», изложенные в циркуляре от 21 марта 1833 года: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности». В статье «Обзрение русской литературы за 1831 год» Иван Киреевский, затронув проблему национальных «трагедий», сетовал на то, что у нас все еще нет в этой сфере достойных творений и что понятие о «трагическом совершенстве» наступит только тогда, когда мы перестанем довольствоваться общими истинами, не примененными к особенностям нашего просвещения, не извлеченными из «коренных потребностей нашего быта», пока новые поколения не воспитаются на «образцах отечественных», не получают «самобытность вкуса» и твердость мнения, независимого от иноземных влияний.

Скоро «народность», замечает Белинский, станет «альфой и омегой эстетики», заменив творчество и вдохновение. Чем больше «народности» (простонародности) в произведении, тем оно художественнее. Услышавши слово «народность», восклицал П.А. Плетнев, ординарный профессор Санкт-

Петербургского университета, уже в самих звуках сумел «прочитать самые священные свои обязанности»: «Мы поняли, что успехи отечественной истории, отечественного законодательства, отечественной литературы, одним словом: всего, что прямо ведет человека к гражданскому назначению, – должны быть у нас на сердце» [8, с. 1].

В духе времени создаются не только русская опера, но и живопись, словесность и даже философия, представители которой (Фишер, Новицкий, Михневич, Надежин и др.) были среди первых откликнувшихся на необходимость преобразования ее на новых началах. Деятельность Уварова на посту министра народного просвещения сказалась и на философии как составной части системы высшего образования. Первым здесь отметился немец Адам Фишер, приехавший в Россию когда-то на положении гувернера, а к данному моменту достигший положения профессора философии в Главном педагогическом институте, а затем и в университете. Свои лекции – психологию, логику, нравственную философию, метафизику, историю философских систем – Фишер читал сначала на французском языке, а затем перешел на русский, что более соответствовало духу нового направления Министерства народного просвещения. Именно он первым ввел идеи Уварова в состав отечественного любомудрия, изложив осенью 1834 года свой философский «символ веры» в программной речи *«О ходе образования в России и об участии, какое должна принять в нем философия»*. «После сказанного мною, – заявил ординарный профессор А. Фишер на торжественном собрании в университете 20 сентября, обращаясь к аудитории на французском, – думаю, нельзя уже сомневаться, чтоб основания эти не были: священное уважение к религии, непоколебимая верность монарху и безусловное повиновение существующим законам» [14]. Речь Адама Фишера продемонстрировала коллегам, что значит для философии принять «должное» направление: министерская инструкция получала «обоснование», а философия обретала статус благонадежной науки.

В 1834 году стараниями все того же Уварова в Киеве открывается русский университет Св. Владимира, предназначенный стать «умственной крепостью вблизи военной» и «подавлять дух отдельной польской национальности, чтобы слить его с общим русским духом». Сюда, по рекомендации о. Иннокентия, ректора академии, приглашается для чтения лекций по философии Орест Новицкий. В следующем году он оставляет академию ради преподавательской работы в университете.

В своей речи «Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности» Новицкий пояснил, что такое философия сама по себе («развитие и уяснение движений нашего сознания»), а также изложил задачи философии применительно к духу времени, выраженному в триаде Уварова. Определившись с направлением нашей философии («полагание краеугольным камнем философствования рационализм, соображаемый с опытом, завершение этого храма любомудрия как бы светозарным куполом – откровением и преимущественно материей всех идей – понятием о Боге»), Новицкий рассуждает и о ее духе. Поскольку философия есть не просто самосознание, а в высшей степени «самосознание народное», то в ней должен выражаться «дух самого народа», а он таков: «Примерная религиозность, глубокая преданность отечеству и царю». Вот этим духом и должна быть «проникнута и животворима» философия в нашем отечестве, в силу чего она непременно станет национальной, произведением не заимствованным, а собственным [7].

В статье «Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях» Иосиф Михневич задается рядом вопросов: что сделали греки и какой был результат их действий? как далеко простирались их познания и какое влияние они имели на нравственность, религию и философию?.. Отдав

должное языческим мудрецам, он переходит к рассмотрению успехов христианской философии и считает необходимым предупредить читателей, чтобы они не забывали, что у философов имеется два начала: «закон неписанный, природный, закон ума» и «закон писанный, положительный, закон Откровения», и потому следует нам поминутно сверяться с тем и другим. Но если кто будет руководствоваться только одним из законов, то он или «разрушит все для своей философии, или уничтожит саму философию». Для Михневича только та философия вводит в святилище истинной мудрости, которая исходит из ума, *не удаляясь при этом от Откровения*. И только такая философия – «по духу нашего любезного отечества, той Святой Руси, которая издревле чуждалась мудрований ума, несогласных с заветными истинами веры. Она – по намерениям нашего августейшего монарха, который, желая утвердить благоденствие мудро управляемого им народа на незыблемых основаниях, с отеческою заботою печется о том, чтобы гордый ум человеческий не возгордился на разум Божий, а пребывал в должном послушании, вере. Она, наконец, – по свойству самого дела, то есть по духу и смыслу этой науки, которая всегда была и не может не быть в тесной связи с религиею: истина неоспоримая и для всякого очевидная, что слепа та вера, в которой нет знания, но не дальновидно и то знание, в котором нет веры» [6, с. 166].

Поскольку в свете «начал», взятых за основу новой политики, ориентирующей всю систему просвещения на свои, отечественные основания, заводятся разговоры и о необходимости национальной философии, то довольно скоро возникает необходимость указать народу на личность, ее олицетворяющую. В силу ряда причин на роль самобытного, национального философа выдвигается мало известный широкой публике Григорий Саввич Сковорода. Уловив новые веяния, А.Ф. Хиждеу изложил жизнь и учение Сковороды согласно духу «охранительных начал» Уварова. В 1832 году он послал в Московский цензурный комитет «Избранные сочинения Сковороды», обещая в итоге издать шесть томов! Далее в журнале «Одесский вестник» (№ 37, 1833) опубликован его очерк «Сократ и Сковорода». Через два года следует публикация в «Телескопе», представленная как первый из задуманных одиннадцати очерков! Вскоре он опубликовал в «Телескопе» статью «Григорий Варсава Сковорода: историко-критический очерк. Отрывок первый. Общее основное понятие о Сковороде, объясненное из его собственного сознания» [13]. При этом свои заключения автор основывал главным образом не на тех сочинениях, которые несомненно принадлежат Сковороде и дошли до нас, а на таких, которые сам Сковорода не перечисляет в списке своих трудов. Например, текст, где он прямо говорит, что принял на себя задачу быть русским Сократом, взят Хиждеу из неизвестного исследователям сочинения «Софросина, сиречь, толкование на вопрос: “что нам нужно есть” и на ответ: “Сократа!”». Другой отрывок, где философ выступает русским патриотом, позаимствован из сочинения «Книжечка о любви до своих, нареченная Ольга православная», которого также нет ни в одном списке. Но желая – при спросе на «народность» – поднять на щит мыслителя из народа, Хиждеу пошел так далеко, что путем ловко исполненных подлогов сделал Сковороде невольным апологетом формулы «православие, самодержавие, народность». В итоге перед россиянами предстал «русский Сократ» с малоросским говором, странствовавший по окраине империи с Ветхим Заветом и флейтой, любитель эмблем и символов – Григорий Саввич Сковорода, среди прочих давший основания говорить о «народной русской философии».

Тем временем в рецензии «Бородинская годовщина» (1839) Виссарион Белинский, следуя гегелевскому тезису «всё действительное разумно, всё разумное действительно», примирился с окружающей его действительностью и воздал хвалу режиму самодержавия, и в слове «царь» у него «чудно слито со-

знание русского народа, и для него это слово полно поэзии и таинственного значения», и это не случайность, а «самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя в истории народа русского».

На этом фоне торжества «православия, самодержавия и народности» не могла не появиться философская работа, где и материал, и идеи – исключительно русские, проявляющие народный дух согласно формуле Уварова. Так появляется первая книга *по русской философии*, причем в ее многовековой истории, – в 1840 году в Казани публикуется «Русская философия» архимандрита Гавриила как шестая часть его всемирной истории философии.

В «Русской философии» архимандрит Гавриил исходит из того, что каждый народ имеет свой особенный характер, а соответственно, и свою философию, «более или менее наукообразную, или по крайней мере рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии» [3, с. 3]. От архимандрита Гавриила мы получаем относительно народов (израильтяне, греки, римляне, скандинавы, германцы, французы, итальянцы, испанцы, португальцы, англичане, россияне) красноречивые характеристики. Что касается русского человека, то на фоне других народов он обладает исключительно положительными качествами. Россиянин «богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству¹, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен. По отношению же к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом» [3, с. 5]. Русский, по свидетельству архимандрита Гавриила, требует, чтобы всякая теория совершенно была согласна с опытом, приговаривая в дружеских беседах: «Чего не видишь, о том и не бредишь»... Никогда русский, подобно Декарту, не принимал сомнение за начало философии. Он допускает, однако, испытание истины, внушая осторожность при затруднениях <...>. Особенное внимание ко «гласу разума и опыта» показала Россия при избрании веры, и, приняв крещение, «русский ум покорился уму беспредельному <...>. С сих пор любомудрие поставило для себя новый закон: рационализм, соображаемый с опытом, поверять через откровение. И никогда оно от сего закона не отступало» [3, с. 19]. Верность своей характеристики «русского мышления» архимандрит Гавриил берется доказать не только поговорками, но и «избранными местами русских философов», то есть *историей* русской философии, насчитывающей не менее семи столетий. Любомудрие в России начинается для архимандрита с принятием христианства.

Итак, власть получила поддержку со стороны ученого сообщества. Представители как институциональной философии (профессора университетов и духовно-академических школ), так и внеинституциональной (вольные мыслители, группирующиеся в разного рода кружках), выступили апологетами «охранительных начал», которые вводились как меры предохранения Отечества от ситуаций типа «волнений декабря 1825 года». Власть получила поддержку со стороны философского сообщества, однако последнее мало что получило взамен. Более того, по прошествии времени власть, желая спасти положение, пошла даже на закрытие кафедр философии.

Согласно «нравственно-политическому отчету» III Отделения за 1849 год, в то время как во всей Западной Европе «демократические начала волнуют умы и сильно потрясают гражданское устройство», Россия «не только продолжала наслаждаться совершенным спокойствием, но нравственное ее состояние оказывалось в высшей степени удовлетворительным». Однако это происходило не само собой, а благодаря усилиям правительства. 7 ноября 1849 года

¹ Воплощение формулы «православие, самодержавие, народность».

Ширинский-Шихматов распорядился приостановить во всех университетах преподавание государственного права европейских стран, однако решено было пожертвовать не только этим предметом. В докладной записке императору Ширинский-Шихматов сообщал, что *теория познания, метафизика, история философии, нравоучительная философия* должны быть изъяты из преподавания в высших учебных заведениях, ибо дисциплины эти *по разным причинам способны породить сомнения в истинности Божественного откровения и посеять смуту в головах юношества*, а потому не соответствуют видам правительства и не обещают благоприятных последствий. Особенно примечательно для нас пояснение относительно «истории философии или критического разбора философских систем»: «Хотя преподавание их и могло бы быть допущено, – заметил Ширинский-Шихматов, – в видах предупреждения молодых слушателей от заблуждений, с условием, однако, чтобы опровержения были сильнее доказательств, над которыми трудились великие, хотя и заблуждавшиеся мыслители; но как это условие редко может быть выполнено совершенно удовлетворительно, а всякое в столь важном деле упущение оставит по необходимости в неопытных умах семя заблуждения, способное со временем произвести горькие плоды, то гораздо полезнее и безопаснее вовсе не касаться философских систем». А вот логика и опытная психология показались необходимыми и полезными всякому образованному человеку, а потому решено было их сохранить в преподавании, с требованием возложить чтение этих дисциплин исключительно на профессоров богословия. И Николай I с предложениями своего «штатного Платона» согласился.

Итак, отныне профессор богословия должен был не только вести догматическое и нравственное богословие, преподавать общую церковную историю и историю Русской Церкви, но и логику и психологию. В Киеве вместо Новицкого поставлен был профессор богословия и протоиерей И.М. Скворцов, в Харькове вместо Протопопова – профессор богословия и протоиерей П.И. Лебедев, в Москве вместо адъюнкта философии Каткова – профессор богословия и протоиерей Терновский, в Петербурге вместо Адама Фишера – профессор богословия Райковский. В итоге на десять лет российские императорские университеты остались без кафедр философии.

В конце 1859 года обеспокоенные распространением материализма, особенно в среде студенческой молодежи, попечители учебных округов обратились с ходатайством в Департамент народного просвещения с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении преподавания истории философии. Департамент, в свою очередь, сообщил Александру II о ходатайстве попечителей, и 2 декабря последовало высочайшее повеление рассмотреть это дело в Главном правлении училищ, которое подготовило справку, где излагались причины закрытия кафедр философии и говорилось, что по прошествии десяти лет, при совершенном изменении теперь направления идей, «отражающих в себе чисто-утилитарные стремления века», «не представляется никаких препятствий к восстановлению преподавания философии, если не в полном ее объеме, то по крайней мере в одной ее части, – истории философии, как науки, по преимуществу проясняющей истины и разрушающей предрассудки и стремления к материализму». 22 февраля 1860 года император соизволил повелеть: «Возобновить в университетах и Ришельевском лицее, на прежнем основании, преподавание истории философии, с логикою и психологию».

Итак, когда распространение материализма и увлечение нигилизмом привело к отрицанию «охранительных начал», и поправки прежде всего первых двух элементов, самодержавия и народности, власть снова обратилась к помощи философии, видя в ней верное средство спасения Отечества.

Эта непоследовательность действий свидетельствовала о специфическом состоянии умов чиновничества, которые воспринимали философию как «служанку политики». Конечно же, философия может быть полезна государству, но ее не следует трактовать как непрременную необходимость, а требуя от философии полезности, не следует табуировать темы и проблемы. И среди таких запретных тем было обсуждение сущности самодержавия, основного элемента «охранительных начал». Философам позволялось говорить о чем угодно, только не рассуждать по поводу основ, истоков власти.

Екатерина II состояла в переписке со всеми важнейшими философами того времени, в том числе вольнодумцами и скептиками. Но что в итоге? Обратимся к ее «Наказу комиссии о составлении нового Уложения» – за этот труд некоторые просветители отвели ей место «между Ликургом и Солоном». Наказ являлся не законом, а своего рода научным трудом, содержащим в себе основания и указания для кодификации закона. Над «Наказом» Екатерина II работала в течение 1765–1766 годов, и после завершения он подвергся «редакторской» обработке со стороны Г.Г. Орлова, Н.И. Панина, А.П. Сумарокова и др. Состоит «Наказ» из 20 глав и 526 статей, большинство которых взято из сочинения Ш. Монтескье «О духе законов», часть из сочинения Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», а некоторые написаны самой императрицей. Из всего «Наказа» нашего внимания заслуживают в данном контексте только два места: доказательство того, что Россия является европейской державой и обоснование необходимости для нее такой формы правления, как абсолютная монархия. Первое заявление доказывается тем рассуждением, что поскольку европейские нововведения Петра в России получили такой успех, то можно предположить, что законы и обычаи, царившие прежде, «не сходились с климатом» [влияние Монтескье – *В.В.*], не соответствовали нашему государству, а вот европейское оно приняло как свое, родное. Второе же заявление доказывается следующим образом: никакая другая форма правления, кроме самодержавного государя, «не может действовать сходно с пространством столь великого государства». «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностию мест причиняемое». Всякое же другое правление для России было бы, по мнению Екатерины, не только «вредно, но и вконец разорительно». Так что когда Радищев, ею же посланный в Европу для обучения, позже посмел выразить симпатию к иной форме правления, усомнившись в эффективности существующей в России, то был приговорен к смертной казни, замененной, правда, на ссылку.

И эта нетерпимость к рассуждениям на тему сущности власти, основ самодержавия сохранялась длительное время. В эпоху Александра I были, правда, допущены определенные вольности. Например, Дмитрий Николаевич Свербеев, слушавший лекции в Московском университете (1813–1817), в своих воспоминаниях оставил описание и одного из магистерских диспутов того времени. В ту пору кандидат Бекетов выходил на диспут со своей магистерской диссертацией, имевшей название, как у поэмы: «Монархическое правление есть самое превосходное из всех других правлений». Среди основных тезисов этого опуса было заявлено, что монархическое правление неограниченное – вещь превосходная, а для России – необходимое и единственно возможное. Диспутом управлял декан факультета Сандунов. «Диспуты походили тогда, – вспоминал Свербеев, – на кулачные бои; на них, как и на этой площадной забаве, зачинщиками в первых рядах являлись бойкие мальчишки, т.е. мы, молоденькие студенты, с какими-нибудь подсказанными от стариков вопросами или возражениями диспутанту». Так же оживленно было и на диспуте у Бекетова, который студенты начали с восторженных речей за греческие республики и за величие свобод-

ного Рима до порабощения его Юлием Кесарем и Августом. После нескольких слов в отпор этим похвалам свободе («слов, брошенных с высоты кафедры с презрительно насмешкою») вступила в бой фаланга «передовых мужей», и «тяжелые удары из арсенала философов XVIII века посыпались на защитника монархии самодержавной». Диссертант Бекетов оробел настолько, что «смущение его наконец дошло до безмолвия», так что взяться за дело пришлось декану, явно недовольному ходом диспута. «Господа, – сказал он, обращаясь к оппонентам, – вы вставляете нам, как пример, римскую республику; вы забываете, что она не один раз учреждала диктаторство». На что получил возражение: «Медицина часто прибегает к кровопусканиям и еще чаще к лечению рвотным, из этого нисколько не следует, чтобы людей здоровых, а в массе, без сомнения, здоровых более, чем больных, необходимо нужно было подвергать постоянно-му кровопусканию или употреблению рвотного». На такой щекотливый аргумент декан с негодованием воскликнул: «На такие возражения всего бы лучше мог отвечать московский обер-полицмейстер, но как университету приглашать его сюда было бы неприлично, то я, как декан, закрываю диспут» [12].

Но вскоре случается несколько громких историй, в центре которых оказываются авторы, рассуждающие на тему естественного права. Одним из героев громкой истории стал столичный профессор Куницын. Директор лицея генерал Энгельгардт обратился к князю Голицыну с просьбой поднести императору экземпляр только что вышедшей книги «Право естественное» (1818), автором которой был Куницын. Голицын отправил ее в Ученый комитет, член которого, академик Фус, как основной рецензент, одобрил книгу, но Рунич, попечитель Петербургского учебного округа, имел другое мнение о прочитанном. По поводу книги он в 1820 году направил в Ученый комитет записку, в которой заявлял, что книга Куницына «есть не что иное, как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду и кои волновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина минувшего и наступившего столетий: Марат был не что иное, как искренний и практический последователь сей науки»; «и вся книга есть не что иное, как пространный кодекс прав, присвояемых какому-то естественному человеку: мирогражданство, по существу своему, почитается происходящим из тех же начал, на коих основано и самое право естественное». Ученый комитет постановил изъять книгу не только из всех библиотек, но и от частных лиц, обратить внимание на преподавание естественного права, вытребовать руководства по этому предмету от всех учебных заведений и составить одинаковое обязательное руководство для всех. Затем Магницкий усмотрел в Казанском университете, среди прочего, и превратные толкования с университетской кафедры по части естественного права, допущенные Гавриилом Солнцевым, и предписал предать правоведа университетскому суду, который продолжался два года (1821–1823). После проверки Казанского университета появилась инструкция Магницкого по каждому читаемому курсу. Согласно ей, преподаватель политического права «обязан с отвращением указать на правила Макиавеля и Гоббса»; в области истории философии права он должен, «восходя выше Платона и Аристотеля, показать источник их начал в Моисее, Давиде, Соломоне, в пророках и апостолах или, лучше, в самом Верховном Законодателе нашем и сею священною печатью запечатлеть истину своих уроков». Верным помощником Магницкого стал Городчанинов, взявшийся ниспровергать теорию естественного права цитатами из Евангелия и сочинений церковных писателей [4]. Выступая против идеи равенства, народоправия, обосновывая необходимость и богосообразность монархии и повиновения народа, автор изобличал «лжемудрецов», «лжеучителей» и среди них, в числе первых, Гоббса: «Вот пагубная система так называемой философской науки естественного права». В духе программы Главного правления

училищ и на основе своей публикации Городчанинов составил курс изложения естественного права в обличительном смысле. Во что превратилось преподавание естественного права в Казанском университете в результате деятельности Магницкого, можно судить из речи последнего, сказанной 15 сентября 1825 года: «Воспитанники твердо изучили все возражения на нелепые положения естественного права и с улыбкою презрения к возмутительным его бредням изоощряют природное свое остроумие на счет славнейших его апостолов» [9, с. 90; см. также с. 87].

В итоге среди запретных направлений в политической философии того времени оказалась дисциплина «естественное право», где рассматривались основы власти. Еще в первом выпуске «Журнала Министерства народного просвещения», после сообщения о назначении нового министра, также опубликовано было особое высочайшее повеление относительно естественного права, с указанием *приостановить его преподавание* впредь до издания надлежащего руководства. И для понимания сути этого распоряжения нам необходимо сделать краткий экскурс в прошлое данного предмета.

Если с ноября 1823 года на нравственно-политическом отделении университета проходились две философско-юридические дисциплины: *естественное право* и *энциклопедия права*, то с осени 1829 года преподавалась уже только последняя, под названием «обозрение прав европейских народов», а первое отменили, отложив принятие решения «до введения нового Устава сего преподавания». Над этой проблемой трудилась особая комиссия. Один из ее членов – Строганов – предложил запретить преподавание естественного права в Московском университете (одного из основных предметов нравственно-политического факультета с 1804 года) и просил Уварова рекомендовать профессорам юридического факультета «неофициальным порядком» раскрывать «абсурдность теорий», на которых зиждется наука естественного права.

23 апреля 1833 года было обнародовано особое высочайшее повеление о преподавании естественного права. В нем выражалось мнение, что преподавание естественного права «едва ли даже возможно, доколе наши университеты не будут снабжены от Правительства особым на сей конец руководством», и предлагалось «для начертания руководства по части естественного права, с общим обозрением энциклопедии и литературы юридических наук, составить особый комитет из профессоров, под председательством г. Статс-секретаря Балугьянского» [1, с. V–VI]. Составление такого руководства было возложено на профессоров Главного педагогического института Бессера, Фишера и Штегардта. Одновременно, будучи озабоченным тем, чтобы «в преподавание сего предмета не могло вкрадываться что-либо несоответственное существующему в Государстве порядку вещей», управляющий Министерством предписал попечителям учебных округов: «Приостановить преподавание естественного права впредь до издания надлежащего по сей части руководства». 8 октября 1835 года Комитет для составления нового «руководства» упразднили на том основании, что по Уставу университетов от 26 июля 1835 года «уничтожена вообще кафедра естественного права». При этом министр народного просвещения испросил у императора соизволения преподавания естественного права вкратце, что «можно с удобностью отнести к нравственной философии, чем совершенно изменится направление и обеспечится польза сего преподавания» [2, с. XII–XIV].

Итак, естественное право после недолгого распространения в университетской среде оказалось у нас под запретом как источник (где прямой, а где косвенный) противогосударственного направления умов. И далее позиция представителей власти не менялась. Например, верный охранитель Константин Победоносцев вообще был против попыток поиска «формулы» самодержавия, даже в тех случаях, когда эти попытки исходили от близких ему по взглядам

людей. Так в письме к И.С. Аксакову еще 1874 года он прямо заявил о невозможности (и даже вредности) четкого теоретического оформления самодержавия в России, поскольку «есть предметы, которые, – может быть, до некоторого времени – поддаются только непосредственному сознанию и ощущению, но не поддаются строгому логическому анализу, не терпят искусственной конструкции. Всякая формула дает им ложный вид и – прибавлю – дает повод, с той или с другой стороны, – к задним мыслям и недоразумениям. Пробовал, помнится, покойный брат Конст[антин] Серг[еевич] делать конструкцию этой идеи; пробовал как-то Катков в прежнем “Русском вестнике”, и все выходило тяжело, неловко, неистинно. Есть, подлинно, явления, которые лучше не возводить в конструкцию формулы».

Однако, пытаясь сохранить порядок, под давлением охранителей от идеи народного представительства отказались, посчитав твердым основание только самодержавия, не рискнув умалить его ни парламентом (либеральный идеал), ни Земским собором (консервативный формат). И что в итоге? Утратив опору «земель», идя на поводу «прогрессивного» сообщества, достаточно агрессивно продвигавшего свои ценности, самодержавие в одночасье исчезло, несмотря на вековые убеждения в его «незыблемости и божественности». Стоило вынуть одно звено, и все рухнуло, чего могло бы не произойти при других условиях, если бы опора была на «консервативное большинство». Неограниченное самодержавие исчезло из жизни, переключившись в учебники истории государства и права, зато парламентаризм вошел в обычай, воспринимается как норма общественной жизни.

Философия для власти, выражаясь библейским слогом, «меч обоюдоострый» – может быть использована двояко, в том числе во вред инициатору действия. С одной стороны, ее представители находят аргументы для объяснения и обоснования существующей силы, с другой стороны, они имеют представление о должной власти, о «правильной системе правления». Но действующая власть предпочитает внимать первому и подавлять всеми возможными способами попытку настаивать на втором. Она нуждается только в тех философах, которые гарантируют должное («полезное Отечеству») «отражение действительности» в текстах и речах, выражая интересы власти, представители которой стремятся сохранить существующий порядок вещей. Не позволяя рассуждать о наилучшей форме правления, власть желала лишь интеллектуальной легитимизации существующего порядка. И потому она подавляла тех, кто выступает со всякого рода «утопиями», даже если это трактаты по «естественному праву», активно вербуя из ученой когорты тех, кто будет прежде всего не столь философом, сколь верным идеологом (в рассматриваемом здесь случае – абсолютной монархии, неограниченного самодержавия), чем лишь отдаляла крушение иллюзий в собственной важности и непогрешимости.

Впрочем, цель была достигнута – обретена стабильность, искоренены «вредные мечтания» о перемене правления, и активными соучастниками этого процесса были, среди прочих, представители философского сообщества. Был ли этот симбиоз интеллектуалов и власти обоюдополезен? Нет, поскольку он отрицательно сказался на развитии философии права, да и вообще на всей философии. В любом случае, это – поучительный урок, как для власти, так и для философии.

Литература

1. Высочайшие повеления (с 18 марта по 1 сентября 1833 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. I. С. I – XLVIII.
2. Высочайшие повеления (за октябрь месяц) // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. VIII. № XI. С. XI–XIV.

3. *Гаеришл, арх.* Русская философия. Казань, 1840.
4. *Городчанинов Г.Н.* Мнение христианина о праве естественном // Казанский вестник, изд. при Императорском Казанском университете. Казань, 1821. Ч. 2. № 6.
5. История русской музыки (В исследованиях и материалах). М., 1925.
6. *Михневич И.Г.* Об успехах греческих философов, в теоретическом и практическом отношении // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 24. С. 129–166.
7. [*Новицкий О.М.*] Об упреках, делаемых философии в теоретическом и практическом отношении, их силе и важности: Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Университета Св. Владимира 15 июля 1837 г. ординарным профессором философии Орестом Новицким. Киев, 1838.
8. *Плетнев П.А.* О народности в литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. С. 1–30.
9. *Попов Н.* Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г. // Русский вестник. 1859. Т. 23. С. 52–98.
10. Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения С.Е.И.В.К. СПб., 1876. Вып. 1.
11. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866.
12. [*Свербеев Д.Н.*] Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. Т. 1, 2. М., 1899.
13. *Хиждеу А.Ф.* Григорий Варсава Скворода: Историко-критический очерк. Отрывок первый: общее основное понятие о Сквороде из его собственного сознания... // Телескоп. Ч. XXVI. 1835. № 5. С. 3–42; № 6. С. 151–178.
14. *Фишер А.А.* О ходе образования в России и об участии, какое должна принять в нем философия // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. № 1. С. 28–68.
15. Циркулярное предложение г. Управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. С. XLIX–L.
16. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка: в 2 т. Берлин, 1870. Т. 2.

Аннотация. В статье рассматривается один из эпизодов взаимоотношения власти и интеллектуального сообщества, представленного преподавателями философии императорских университетов и духовно-академической школы эпохи Николая I. В центре внимания автора «охранительные начала» министра народного просвещения С.С. Уварова и совокупность «ментальных реакций» со стороны ученого сообщества, выявление позитивных и негативных последствий «симбиоза» интеллектуалов и власти.

Ключевые слова: власть, право, государство, управление, идеология, пропаганда, патриотизм, философия, самодержавие, монархия, образование, воспитание, национальное сознание, университет.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in History; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, Site politconservatism.ru. E-mail: vanchugov@gmail.com

Ideology-linked Episode in the History of Russian Philosophy

Abstract. The article studies an episode in the relationship between the authorities and the intellectual community, represented by philosophy professors from emperor universities and schools of theology, in the reign of Nicholas I. The author focuses on the conservative principles outlined by S. Uvarov, Minister of Education, and the “feedback” by the scientific community. He also identifies positive and negative consequences of the “symbiosis” between the authorities and the intellectual community.

Key words: Authority, Law, State, Government, Ideology, Propaganda, Patriotism, Philosophy, Autocracy, Monarchy, Education, National Consciousness, University.